

Гонцы засечной черты

С древнейших времен
существовала пересылка
вестей на Руси.
По дорогам русского
государства еще с XIII века
возили ямщики гонцов
с княжескими грамотами.

Неспокойны южные окраины русского государства. Того и гляди над далеким горизонтом встанет облако степной пыли и дрогнет земля от гулко-го топота копыт вражеской конницы. Но не дремлет засечная стража. Днем и ночью тысячи ратников ждут неприятеля на крепостных стенах и в засечных сторожках.

И как только со стороны Дикого поля повеет опасностью, помчится во весь опор дозорный с тревожной вестью: «Орда двинулась!».

Для успешной охраны России от набегов южных соседей требовалось, прежде всего, наличие слаженной системы доставки срочных военных вестей. Уже в XVI веке всякий воин, скачущий со спешным сообщением, имел право забирать лошадей в любом поселении у любого человека¹.

Из городов и сторожек засечной черты вся информация о движении неприятеля собиралась в Мценске и Туле. Отсюда спешные гонцы доставляли ее в Москву и пограничные города.

Быстрому распространению военных вестей правительство уделяло огромное внимание; поэтому каждый воевода, отправляемый для охраны границ, получал наказ, в котором особо подчеркивалась важность скорой вестовой службы. Старейшие из дошедших до нас наказы были даны 15 марта 1616 года тульским воеводам Куракину и Давыдову и мценским - Туренину и Скуратову.

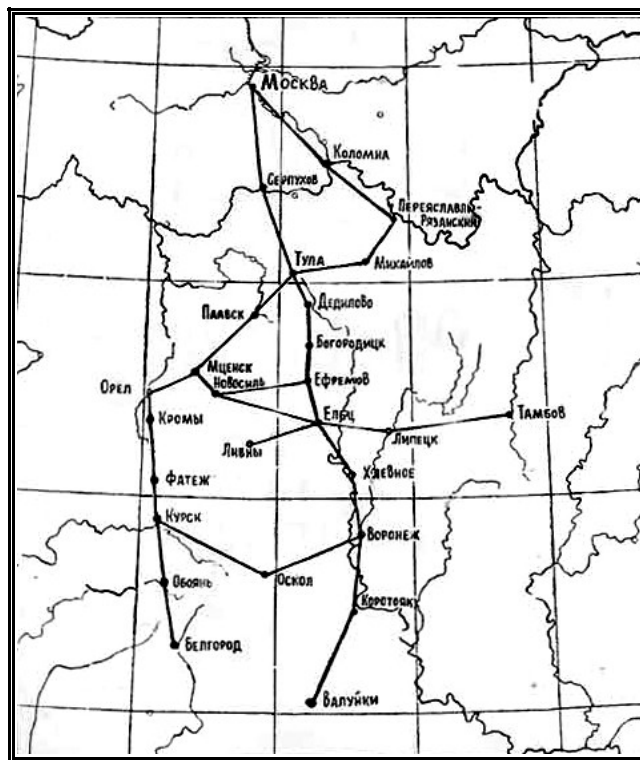
Засечные воеводы писали не только о приходе неприятеля, но и о положении дел в городах, о сборах налогов, присылали свои жалобы. В Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА), в фонде Разрядного приказа, ведавшего военными делами южных городов, бережно хранятся тысячи листов царских наказов, грамот, воеводских отписок и челобитных. Эти материалы помогают воссоздать картину вестовой службы засечной черты.

Каждую весну из Мценска и Тулы отправляли в пограничные города «для вестей» служилых людей. В царских наказах обычно оговаривалась обязательная посылка вестовщиков в Ливны, Елец и Новосиль. В другие же города, «куда пригоже», их ставили по решению самих воевод.

Для вестовой службы набирали «охотников» из служилых людей в Костроме, Ярославле, Владимире, Муроме и в других городах, удаленных от засечной черты. Царские наказы требовали, чтобы в вестовщики выбирали

стрельцов и пушкарей из дворян и детей боярских «из двора самых лучших».

Официального документа, обязывающего вестовщиков выполнять роль гонцов, не существует. Но если просмотреть списки выборных и старинные грамоты, то сразу же можно определить, что доставляли их в основном те, кого посылали «на вести». Так, вестовщик Василий Аборин по крайней мере один раз привез почту из Курска в Мценск, трижды возил ее до Тулы и дважды скакал с письмами из Тулы в Москву.

Ехавшим на границу вестовщикам за счет казны выдавались два коня. Гонцы, посылаемые из городов, пользовались услугами ямщиков. Они снабжались подорожной, составленной по такой форме: «По дороге по ямом ямщиком, а где ямов нет, всем людям безотменно, чей кто ни буди, что есте давали туленину пушкарю Ивану Ондрееву сыну Косыреву подводу верхи (т.е. верховую лошадь.- А. В.) с проводником»².

Первоначально гонцы скакали без смены от исходного пункта до Москвы. Но уже в 30-х годах XVII века вестовщики из удаленных городов, таких, как Елец, Курск, Воронеж, стали ездить только до Тулы. А еще через десять лет посыльные сменялись на всех ямах, где были вестовые станицы. К этому времени редкий гонец проезжал более 150 верст, лошадей же они меняли через каждые 70-80 верст³.

Своеобразной почтовой «конторой» засечной черты стала Тула - штаб-квартира воеводы Большого полка сторожевых войск. Все гонцы привозили свою почту в городское присутственное место - съезжую избу. Здесь подьячие распределяли полученную корреспонденцию: грамоты в Тулу отдавались

воеводе, а бумаги в другие города раскладывались по соответствующим сумкам и тотчас же отправлялись. Все южные города посылали отписки и челобитные в Москву только через Тулу. Исключение составляла одна Рязань, или, как ее тогда называли, Переяславль-Рязанский. Рязанский воевода сносился с Тулой лишь по делам, связанным с обороной засек, вся остальная почта доставлялась в Москву через Коломну.

Но были случаи, когда некоторые воеводы посылали своих гонцов, минуя Тулу, прямо в Москву, как правило, с одной только грамотой. От такой «почты» государство терпело большой убыток.

30 сентября 1637 года новосильский воевода И.П.Турский послал грамоту с каким-то незначительным известием. Сын боярский Федор Шипипов привез ее в Москву 3 октября. И уже через день гонец во весь дух мчался обратно. На этот раз в суме у него среди грамот в различные города лежал строгий выговор Турскому, подкрепленный обещанием «государевого гнева». Спустя несколько лет, в 1649 году, был написан специальный указ, запрещавший посылать нарочных гонцов с «неважными» делами.

Долгое время тульские ямщики возили гонцов до самой Москвы. Наконец, 26 мая 1638 года воевода И.Б.Черкасский написал царю: «На Туле ямщиков сорок человек, а разгоны многие. Тех ямщиков в городе не ставает, потому что лошади изгонены. А в Серпухове стану нет. И которые вести будут скорые... гонцом с скорыми вестями к тебе, государь, поспешить будет немочно. А в Серпухове для поспешения гонцом без прибылых подвод для скорых посылок быть нельзя».

Правительство мгновенно отозвалось на это письмо. На другой же день князю Черкасскому была отправлена грамота: «По нашему указу в Серпухове для скорые гоньбы велено держать двадцать подвод с проводники»⁴. Такое количество лошадей на серпуховском стане сохранилось до 1667 года, когда их стало тридцать.

Последний документ я обнаружил среди переписки Разрядного приказа с тульскими воеводами И.Б.Черкасским и В.И.Стрешневым в 1638 году. Эта переписка интересна тем, что почти на каждой грамоте имеются даты отправления и получения. По ним можно определить, что почта, как правило, приходила в пункт назначения на второй и, очень редко, на третий день.

С марта по июнь из Москвы и Тулы гонцы отправлялись ежедневно. С июля, когда вероятность татарских набегов уменьшалась и спешных вестей становилось меньше, почту возили через день-два. Осенью и зимой вестовщики ездили не реже одного раза в неделю.

Каждый гонец в своей суме возил 10-15 писем. Только Московский стол Разрядного приказа с 24 апреля по 29 мая отправил в Тулу около 80 грамот. Ежегодно из Москвы отсылалось не менее 2300 писем. В основном это была официальная корреспонденция.

Тульские воеводы в своих грамотах обычно указывали характер отправления. При этом обращает на себя внимание один весьма любопытный

факт. Часто после перечня отписок, челобитных и других бумаг на царское имя в них встречаются слова: «и иных грамоток две» (иногда - «три», очень редко - «четыре» и более).

Что это за «иные грамотки»? Не частные ли это письма!

В XVII веке гражданское население порубежных городов было малочисленным. Даже по переписным книгам 1678 года, в Туле посадских значилось 312 человек, в Ельце - 319, а в Ефремове - «посадских не написано». Не потому ли грамотки частных лиц затерялись в потоке служебной корреспонденции! Поищем их.

Как-то я перелистывал очень интересную книгу «Грамотки XVII - начала XVIII века». И вдруг на глаза попало знакомое имя - Панфилий Тимофеевич Салтыков.

Брат Панфилия Тимофей сообщает ему на «государеву службу», что дома у него «здорово», и одновременно просит: «Да вели, государь, сказать Дмитрию Ртищеву и Трифону Батюшкову и Демиду Киреевскому, что у них в домах, дал бог, здорово и хлеб яровой и ржи добра, а сено у нас косить мешают дожди»⁵.

К сожалению, на обороте грамотки не указано, кто ее привез. Очень возможно, что доставил грамотку государственный гонец. Это тем более вероятно, что для городов юга неизвестны указы, запрещающие вестовщикам возить частные письма. Указы такого рода появились в России только в 60-х годах XVII столетия и распространялись в основном на зарубежную корреспонденцию и грамотки из Сибири. В первой половине XVII века русское правительство было заинтересовано в освоении порубежных земель и поэтому часто закрывало глаза на мелкие нарушения законов.

Но не всякие правительственные распоряжения можно было нарушать безнаказанно. Чаще всего с виновными расправлялись без всякой пощады.

28 февраля 1622 года воронежский воевода Б.И.Нащекин отправил для вестовой службы десять детей боярских. Но двое из станицы не захотели ехать с товарищами. Иван Прокофьев остался в Воронеже, а другой, Федор Коробкий, - бежал. Воевода сообщил об этом в Москву. В ответ получил наказ: «Ивашку Прокофьева бить батоги нещадно». Второго беглеца велено было сыскать тотчас же и «потом за воровство и за непослушание бить батоги ж гораздо». Во время наказания вокруг должен был стоять народ, «чтобы на то смотря не повадно было б иным воровать, нашего указу не слушать»⁶.

В 1645 году курский воевода Иван Стрешнев бил челом царю Михаилу Федоровичу, что ему отписки из других городов отсылать не на чем. Ямщиков в городе осталось пять человек и подвод тоже нет. Куда же девались остальные двадцать пять ямщиков! Оказывается, они «разбежались» по новым городам, ближе к южной границе. Жить там было вольготнее: денежное жалованье они получали такое же, десять рублей в год, а разгонов было гораздо меньше⁷.

На станах засечной черты не было специальных лошадей для гонцов, они пользовались обычными ямскими подводами. Так продолжалось до апреля

1695 года, когда для связи с азовской армией Петра I на всех ямах от Москвы до Валук было поставлено по четыре почтовых лошади.

По темпам доставки корреспонденции русские гонцы не уступали зарубежным. В условиях почти полного бездорожья вестовщики летели со скоростью 150 верст в сутки, которая на западноевропейских почтовых линиях даже в XVIII столетии считалась весьма быстрой.

А. ВИГИЛЕВ

1 - См. Л.И.Яковлев. «Засечная черта Московского государства в XVII веке.» М.. 1916. Стр. 8.

2 - ЦГЛДА. ф. 102. Почтовые дела, б/г.. Кг 2. л. 3 об.

3 - См. ЦГАДА, ф. 210, Разрядный приказ. Московский стол, ст. 79, лл. 87-94; ст. 100, лл. 521-522: ст. 115. лл. 408-499: ст. 135. лл. 104; ст. 160. лл. 90, 109. 127. 129. 134; ст. 201. лл. 663-66-1.

4 - ЦГАДА, ф. 210 Разрядный приказ, Московский стол, ст. 128, л. 53.

5 - Грамотки XVII-начала XVIII века. М. Изд-во «Наука», 1969. стр. 50 - 51.

6 - ЦГЛДЛ, ф. 210. Разрядный приказ, Московский стол, ст. 12, лл. 515-518.

7 - ЦГЛДЛ. ф. 210. Разрядный приказ. Московский стол. Ст 201, лл. 663-664.

Первоисточник:	Ежемесячный журнал « Филателия СССР ». Орган Министерства связи СССР и всесоюзного общества филателистов 1970 год № 12 страница 28 - 30
Файл скачан с сайта «Живопись в филателии»	www.art-stamps.ru